

В ОДНОЙ из речей Шолохова, весной 1971 года, прозвучали знаменательные слова:

«Если говорить о нашей литературе в глубоком плане, то можно с гордостью сказать, что начиная с дней становления Советской власти она честно и преданно служила своему народу, и голос ее, как говорил наш великий русский поэт, поистине

Звучал, как колокол на башне воевой, Во дни торжеств и бед народных...»

Обращаясь мыслью к этим словам сегодня, с уважением и признательностью относим мы их прежде всего к самому Шолохову. В дни и годы тяжкого, небывало сурового испытания всех жизненных, духовных сил нации видим мы великого сына Отчизны честно и преданно служащим ее народу, могучее оружие писателя, шолоховское художественное слово — сражающимся, как герои его военного романа, за Родину.

Невольно вспоминаешь снова и снова другую речь писателя, произнесенную гораздо раньше, когда сказанное в ней было продиктовано еще лишь предвидением того, что грянуло в конце концов.

«Советские писатели, надо прямо сказать, не принадлежат к сентиментальной породе западноевропейских пацифистов... Если враг нападет на нашу страну, мы, советские писатели, по зову партии и правительства, отложим перо и возьмем в руки другое оружие, чтобы... летел и разил врага и наш свинец, тяжелый и горячий, как наша ненависть к фашизму!»

В частях Красной Армии, под ее овеянными славою красными знаменами, будем бить врага так, как никто никогда его не бил... Разгромив врагов, мы еще напишем книги о том, как мы этих врагов били. Книжки эти послужат нашему народу и останутся в назидаение тем из захватчиков, кто случайно окажется недобитым...»

Жизнь внесла лишь одну поправку. Перо откладывать в сторону хотя бы на время не понадобилось. Наоборот. Оно оказалось не только приравненным к штыку, а надежно взаимодействовало с ним. «...мы едем на автомобиле к линии фронта...» — сообщает Шолохов в одной из первых военных корреспонденций. Направление — на Смоленск. Важная деталь: вооружение — ручные пулеметы, карандаши и записные книжки...

Один за другим печатаются в газетах фронтовые очерки писателя — военного корреспондента, одна за другой — статьи и корреспонденции, при-

сланные из Действующей армии. Они поступали в редакции центральных газет с Западного, Юго-Западного, Южного фронтов...

А книги своих писателей о том, как враги были разбиты, советский народ получил возможность хотя бы начать читать еще и до того, как одержал великую свою Победу. Одной из таких книг стал начатый Шолоховым уже в годы войны роман «Они сражались за Родину».

Думаю, что и в этом романе сказалось в полной мере свойство, присущее перу его автора. Это удивительное сочетание или даже слияние безупречно правдивой реалистической живописи с высокой и емкой, властно убеждающей символикой. И здесь, в романе «Они сражались за Родину», мы следим за достовернейшим изображением поведения, поступков, усилий, казалось бы, ничем не приметных людей, за их страдальческим, за их изнуряющей борьбой, с сочувствием и душевной симпатией сопереживаем их непомерные тяготы, улыбаемся над их желанием подержать юмором, поддразниванием, постоянными перепалками дух каждого и всех вместе. И видим в этом изображении едва ли не быта войны нечто, заставляющее воспринимать подлинный героизм этих рядовых людей, величие их подвига. И, может быть, главное: не есть ли их видимый нам мирок капля, в которой отразился большой мир? Отразился своими решающими контурами. Своим суровым величием.

В самом деле, полк отступает от самой границы. Отступает в тяжелейших непростанных боях, требующих порою не только предельного напряжения всех сил, а их перенапряжения; в боях полк несет огромные потери. Но остатки полка, горстка, оставшаяся от него, люди полка, словно чудом уцелевшие, не утратили боевого духа, готовы к новым и новым сражениям. Но знамя полка сохранено. Но раненый командир дивизии, встречая то, что осталось от полка, целует край этого знамени, как святыню. И наконец: полк дошел туда, где на приближающемся горизонте маячат осажденные, но сопротивляющиеся руины Сталинграда, города-рубежа, где будет сломлен хребет свирепого врага, где свершится долгожданный нашим народом и народами Европы поворот во всем ходе второй мировой войны. Такое сочетание реализма, беспощадного и бескомпромиссного, с героико-романтической, возвышающей символикой встречается у Шолохова во

многих компонентах гармонического целого — и в строе эпического повествования, и в эмоциональности лирических отступлений, в портретной живописи, в пейзаже, в насыщенности прозы народной песенностью, порой — в интонации...

Вспомним слово раненного в недавнем бою, обессиленного потерей крови и бессонными ночами, борющегося с то и дело

Юрий ЛУКИН

Набатный колокол

подступающей слабостью полковника Марченко, вышедшего к ожидающему его строю бойцов 38-го пехотного. Дошло сюда двадцать семь бойцов, из которых пятеро ранены. Превозмогая мучительную боль, Марченко стал перед строем.

«— Солдаты! Родина никогда не забудет ни подвигов ваших, ни страданий...»

— Пусть враг временно торжествует, но победа будет за нами!.. Вы принесете ваше знамя в Германию!.. В последних сражениях на немецкой земле развернутся алые знамена... нашей великой Армии-Освободительницы!.. Спасибо вам, солдаты!..»

Когда Шолохов привозил в «Правду» новые главы романа, для всех нас, работавших тогда в редакции, это было днем радости. Шолохов читал эти страсти правдивым в слух. На следующее утро в свежем номере газеты читатели встречали очередную публикацию.

Разумеется, так было не только с главами романа. Так было с каждым очерком, с каждой корреспонденцией. Они публиковались немедленно. А если приезжал сам писатель, послушать его собирался весь наличный или свободный в эти

минуты от дежурства, состав редакционного коллектива.

Насыщенный гневной публицистикой рассказ «Наука ненависти» был написан и опубликован в газете к первой годовщине начала войны. В этом произведении утвердился тема, заявленная автором в первом же очерке военного времени. Тема неразрывности любви и ненависти. Тема любви к Родине, к советскому человеку и ненависти к врагам нашего Отечества, к фашистам. К чудовищному порождению времени — гитлеровскому фашизму.

вытерпеть и выдержать чудовищные удары, обрушивавшиеся на него один за другим в бесконечной и неумолимой последовательности? И не только выстоял, не сломленный этой пыткой, но сохранил драгоценную способность принять в свое сердце горе другого обездоленного судьбою существа. Сирота Ванюшка, пригретый одиноким человеком, потерявшим всех своих близких, соединение двух этих жизней — тот катарсис, очищение, которого требовала и искала античная эстетика для истинной

высокой трагедии, для ее художественной гармонии.

В самых различных по жанру шолоховских произведениях, возникших в разные годы, звучит мотив постоянной готовности грудью стать на защиту Родины.

Вспоминаются горячие слова Шолохова, произнесенные им с трибуны IV съезда писателей СССР в 1967 году:

«Здесь хорошо говорили о работе писателей в годы Отечественной войны. Неспроста Политуправление Советской Армии держит нас в запасе первой очереди. И если Отчизна будет в опасности, мы снова наденем шинели и снова пойдем в ряды нашей родной армии, и старые и молодые... Потому, что мы плоть от плоти своего народа, и все, что он выстрадал и чего достиг, нам бесконечно дорого».

А разве не характерна для шолоховского художественного письма двуединая символика поэтических картин природы, картины буйного пробуждения

Михаил ШОЛОХОВ. 1941 год.

природы в первую послевоенную весну! Конечно, они являют собою глубокий контраст тому беспросветному, казалось, безысходному, что уже готово было определиться как судьба героя рассказа, тому, что стало его горькой, полной одного лишь мрака жизнью. Но ведь они столь же глубоко выражают своим «подтекстом» нечто чрезвычайно близкое его возвращению к жизни, возвращению куда как нелегкому, свидетельствующему о подспудных душевных силах, возрождению, если не воскрешению...

НЕ РАЗ приходилось Шолохову отвечать на вопросы корреспондентов, наших и зарубежных, как удается ему сочетать творческую работу с обязанностями депутата Верховного Совета СССР, со всей многосторонней его партийной, общественной работой. И ответ был всегда один. Эта деятельность, постоянное общение с людьми, необходимость вникать в их нужды и заботы не только не затрудняют работу писателя, а наоборот — щедро обогащают его знанием жизни, всем тем, что претворяется в образы героев произведений, когда их прототипы как бы сами идут к писателю, когда жизнь подсказывает ситуации, конфликты, сюжетные линии будущих произведений... Мож-

но было наблюдать, с каким тщанием черпает писатель из стекающей к нему депутатской почты драгоценный жизненный материал.

Из бесед с ним, которые доводилось вести в период работы его над романом о Великой Отечественной войне, было очевидно, что прочитаны, внимательнейше обдуманы и оценены все документальные свидетельства, содержащиеся в появившихся один за другим томах мемуаров наших полководцев, военачальников.

Довелось мне присутствовать — по приглашению Михаила Александровича — на его встрече с генералом Михаилом Федоровичем Лукиным, героем обороны Смоленска. Рассказ боевого генерала о его военном пути, о его трагедии, о великом мужестве советских солдат, переносивших жестокие муки в гитлеровском лагере для военнопленных, слушать было почти невыносимо. Взрослые люди, закаленные жизнью мужчины выбегали в коридор, и оттуда доносились рыдания. Сам генерал говорил, едва справляясь с волнением, переживавшим горло...

Тогда же, впервые познакомившись с генералом Лукиным, узнал я, что Михаил Александрович во время одной из фронтовых командировок был как раз в частях, защищавших Смоленск, в армии, которой коман-

довал Лукин. Фронтовое знакомство, встреча в боевой обстановке и привели впоследствии автора романа к мысли взять генерала Лукина в качестве прототипа генерала Стрельцова.

В дальнейшем ходе работы над романом Михаил Александрович от этой идеи отказался, замысел претерпел изменения.

Почему же сегодня припомнилось это? Позволю себе привести несколько отдаленную аналогию. В теории древней и прекрасной игры, столь близкой искусству, — шахмат — существует понятие красоты. Причем в это понятие входит иной раз не только то, что фактически произошло за доской, а и то, что могло произойти. Случается, красивейшие решения, найденные либо в кропотливых домашних разработках, либо явившиеся как счастливое наитие в ходе борьбы, за доской, — в практическом развитии поединка оказываются не реализованными, ввиду того, что это развитие по той или иной причине свое течение меняет. Нечто подобное видится мне, когда размышляешь о том огромном накоплении материала, замыслов, которые в незавершенном романе так и остались не воплощенными, о которых мы так и не узнали...

Сегодня вряд ли возможно остановиться только на слове писателя, прозвучавшем в годы войны, или на произведениях, говорящих об этой войне. Обратимся к его последним словам, оставленным людям как заветы.

Снова набатным колоколом разнесся по всему миру призыв художника, так любившего жизнь, так любившего Человека:

«Я призываю литераторов мира, писателей современности, моих друзей и коллег, возвысить голос против продолжающегося безумия, безостановочного ядерного вооружения».

Хочу надеяться, что призыв этот будет услышан...

ЗАЩИТИМ ЖИЗНЬ, ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Вглядываясь во все этапы творческого пути великого писателя, навеки ставшего гордостью нашей литературы, понимаешь: его могучее, светлое слово всегда было с народом — в дни торжеств и бед народных, в годы стройки, вдохновенного труда и в годы священной войны, всенародного подвига, увенчанного выстраданной Победой.

